ДВ 92
Г 918

ИЛЬЯМ ГРЭВЗ

ОЛЧАК, АМЕРИКА И ЯПОНИЯ

(ИНТЕРВЕНЦИЯ АМЕРИКИ В СИБИРИ)

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
С. ЗАЙМОВСКОГО

ДВГНБ

Журнально-газетное объединение
Москва—1932 г.

ЭР01973

ДВ
государственная
научная библиотека

ДВГНБ

ЭР01973

ДВГНБ

ЭР01973

ДВГНБ
202454

ЭР01973

Проверено
1940 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая книжка представляет собой извлечение из книги Вильяма Грэвза «Сибирская авантюра Америки, 1918—1920», вышедшей в Нью-Йорке осенью 1931 года. Автор ее—генерал-майор американской армии в отставке, командовавший войсками экспедиции, которую он описывает; стало быть—заправский «генерал-от-интервенции». Тем больший интерес и пикантность представляют его свидетельские показания об одном из мрачнейших моментов вмешательства иностранных империалистов в нашу революционную борьбу. Получив от непосредственного своего начальства—военного министра—недвусмысленную инструкцию: охранять на известном участке Сибирскую железную дорогу, но не вмешиваться во внутренние дела страны, он добросовестно, если верить ему, старался выполнить эту инструкцию. Она обращена была в ничто действиями второго лица американского государственного Януса—министерства иностранных дел. Это невольное разоблачение мало-благоуханных операций, при помощи которых в Америке создавалось «общественное настроение» за интервенцию и против «большевиков», представляет главную ценность любопытной во многих отношениях книги.

ЭР01973

ВВЕДЕНИЕ

Трудно писать и даже говорить о России, не навлекая на себя обвинения в предвзятом отношении к советскому правительству. В период моей службы в Сибири, русский Дальний Восток был совершенно отрезан от всех частей России, управлявшихся советским правительством. Я поэтому не имел никаких дел ни с советским правительством, ни с какими бы то ни было лицами, притязавшими представлять это правительство.

Единственное правительство, с которым я приходил в контакт за все время моей службы в Сибири, было правительство Колчака—если его можно назвать правительством. Я сомневаюсь, обладал ли бы когда-либо Колчак или его правительство, без поддержки иноземных войск, достаточной силой для осуществлений верховной власти. В документе, известном под названием «Междусоюзнического железнодорожного соглашения» и касающемся охраны и поддержания деятельности железных дорог в Сибири, все нации, имевшие в Сибири войска, признали Колчака представителем России, и это в сущности все признание,

ЭР01973

какое когда-либо получало правительство Колчака. Ни одна нация никогда не признавала Колчака фактическим или юридическим главою Российского правительства.

6 апреля 1917 года, в день вступления Соединенных штатов в мировую войну, я служил в военном министерстве—секретарем генерального штаба. В эту пору я был полковником генерального штаба, а секретарем—с августа 1914 года. 1 марта начальником генерального штаба стал генерал-майор Прейтон Марч, вскоре сообщивший мне, что он намерен дать мне назначение во Францию; однако в мае 1918 года он объявил: «Если кому-нибудь придется отправиться в Россию, то скорей всего вам». Это заявление ошеломило меня; но так как оно было сделано в форме предположения, то я ничего не ответил: генералу Марчу было известно мое желание служить в Европе. Я вообще не представлял себе возможности отправки американских войск в Сибирь. В конце июня 1918 года генерал Марч сообщил мне, что меня произведут в генерал-майоры Национальной армии и что я могу получить любую дивизию в Соединенных штатах, не имеющую постоянного командира. Я избрал 8-ю дивизию в лагере Фремонт, в Пало Альто, в Калифорнии, получил утверждение сената в должности, 13 июля выехал из Вашингтона и 18 того же месяца принял командование над дивизией.

2 августа 1918 года шифрованная телеграмма вызвала меня в Канзас Сити, где я узнал, что в станционной комнате меня ждет военный министр Бэкер, тут же объявивший мне, что он, к сожалению, вы-

ДРНБ

ЭР01973

нужден послать меня в Сибирь, хотя начальник генерального штаба Марч всячески старается выгородить меня из этой экспедиции и послать во Францию. Бэкер протянул мне запечатанный пакет со словами: «Здесь изложена политика Соединенных штатов в России, которой вы должны придерживаться. Будьте осмотрительны: вам придется ступать по яйцам, заряженным динамитом. Благослови вас бог. Прощайте».

Добравшись до гостиницы, я вскрыл пакет и нашел в нем документ на семи страницах, озаглавленный: «Меморандум», без подписи, но с пометкою в конце: «Министерство иностранных дел, Вашингтон, 17 июля 1918 года». Внимательно прочтя документ и почувствовав, что я понял начертанную для меня политику, я лег в постель, но заснуть не мог, и все раздумывал: что же делают другие нации и почему мне ничего не сообщили о происходящем в Сибири? На другой день я перечитал документ, стараясь вникнуть в каждую фразу. В нем говорилось между прочим:

«Правительство Соединенных штатов пришло к ясно сознанному и твердому убеждению, что военная интервенция скорей усилила бы нынешнюю печальную сумятицу в России, чем устранила бы ее, скорей повредила бы России, чем помогла бы ей, и не оказала бы содействия достижению главной нашей цели: победы над Германией. Поэтому оно не может принять участия в такой интервенции или санкционировать ее в принципе. Военная интервенция, даже допуская успешность ее ближайшей признанной цели—нанесения

ЭР01973

Германии удара с востока, оказалась бы лишь методом использования России, но не оказания ей услуги. Военная акция допустима в России, по крайнему разумению Соединенных штатов, лишь с тем, чтобы помочь чехо-словакам сосредоточить свои силы и вступить в успешное сотрудничество с родственными им славянами и чтобы оказать помощь русским в деле самоуправления или самозащиты, буде они пожелали бы принять такую помощь. Правительство предлагает просить всех объединившихся в этом образе действий уверить народ России самым торжественным и публичным образом, что ни одно из правительств, объединившихся для акции в Сибири или в Северной России, не замышляет никаких посягательств на политический суверенитет России, никакого вмешательства в ее внутренние дела или нарушения ее территориальной неприкосновенности ныне или впоследствии, но что каждая из объединившихся держав имеет единственной целью оказать приемлемую и только такую, какая будет принята, помощь русскому народу в его усилиях взять свои дела в свои руки, самому устроить свои судьбы на своей территории.

Государственный департамент (министерство иностранных дел), Вашингтон, 17 июля 1918 г.»

Мы считаем необходимым подчеркнуть нижеследующий пункт политики, которой американские войска руководились на протяжении всех 19 месяцев своего пребывания в Сибири: торжественное заверение по адресу народа России, что ни одно из правительств, объединившихся для

ЭР01973

акции в Сибири или Северной России, не замышляет какого бы то ни было посягательства на политический суверенитет России, какого бы то ни было вмешательства в ее внутренние дела...

Это определенно обязывало агентов Соединенных штатов к специфической линии поведения, и тот или иной или оба эти вопроса всегда вставали передо мной, когда мне приходилось иметь дело с русскими партиями.

Между тем весною 1918 года, когда союзные правительства и Соединенные штаты обсуждали вопрос о военной интервенции в Сибири, Англия и Франция, своей поддержкой некоторых партий в Южной России, показали, что они не прочь вмешаться во внутренние дела русского народа. В эту же пору Англия и Япония поддерживали бандита Семенова, казацкого начальника, утверждавшего, что он борется с большевизмом.

Мне всегда было трудно понять, как непонятно, я полагаю, и американским читателям, зачем Соединенные штаты уступили желанию Англии, Франции и Японии, настаивавших на посылке войск в Сибирь Соединенными штатами.

3 августа 1918 года военное министерство по телеграфу предписало генералу, командовавшему американскими войсками на Филиппинах, отправить на транспортах в Сибирь следующие американские войска: 27-й и 31-й пехотные полки, один полевой госпи-

ДВГНБ

ЭР01973

таль, один походный лазарет и роту «Д» 53-го телеграфного батальона. Извещенный об этом в тот же день, я направил на Владивосток 5 000 солдат из 8-й дивизии лагеря Фремонт.

Так как одним из главных оснований, приводившихся в оправдание посылки войск в Сибирь, было желание «помочь чехо-словакам сосредоточить свои силы и вступить в успешное сотрудничество с родственными славянами», любопытно отметить фактическое положение, в котором находились чехи в день, когда для меня составлялся приказ, то есть 17 июля 1918 года.

Полковник Эмерсон, первый помощник главы Русской железнодорожной комиссии Джона Стивенса, сообщал от 29 мая 1918 года, что на вопрос, обращенный им к чехословацкому капитану Кедлецу, обижали ли их на пути между Южной Россией и Марьинском (в Сибири), тот ответил, что их не обижали со времени оставления ими территории Южной России, но что они опасаются быть взятыми в плен. Полковник сообщил, что во Владивостоке находится 12 000 чехов, 3 000 находится в пути между Марьинском и Владивостоком, и все они свидетельствовали, что их не обижали в России. Капитан Кедлец сознался, что он и другие коменданты поездов получили из Пензы инструкцию останавливаться там, где их застанет инструкция, и захватывать города; что это было заранее разработанное движение и что заправила этого движения в то время находился в Ново-Николаевске.

ЭР01973

Если союзники действительно хотели помочь чехам переправиться на Западный фронт, во Францию, то странно было, почему во Владивостоке не было приготовлено судов для принятия их. Я убежден, что 28 мая 1918 года не существовало намерения отправить чехов на Западный фронт. 15 июля полковник Эмерсон получил из Иркутска от американского генерального консула Гарриса следующее сообщение:

«Не имея связи с внешним миром — с 26 мая с Владивостоком и со 2 июля с Пекином. Последние сообщения указывают, что союзные моряки и чехи изгнали большевиков из Владивостока».

Донесения полковника Эмерсона показывают, что чехам никогда не грозили агрессивные действия со стороны Советов. Они безусловно не подвергались никакой опасности, покуда держались возвещенного ими намерения—доехать до Владивостока по Сибирской железной дороге. Нападающими были сами чехи, и доклад полковника Эмерсона свидетельствует, что Советы хотели выпроводить чехов из Сибири и готовы были пойти навстречу возвещенному теми желанию. Чехи не только захватывали города, в которых оказывались их эшелоны, но в одном, по меньшей мере, городе—в Марьинске—они захватили принадлежавшие Советам склады военных припасов и полностью снабдили своих солдат винтовками, амуницией, пулеметами и другими материалами, какие им только попались.

АВГИВ

ЭР01973

Действия американского генерального консула Гарриса, известившего Эмерсона о подтверждении сообщения, что союзники и Соединенные штаты собираются произвести интервенцию в Сибири, и его последующие действия в унисон с этим сообщением создали необъяснимую ситуацию. Не надо забывать, что это заявление сделано было за два дня до того, как была намечена политика Соединенных штатов министерством иностранных дел 17 июля 1918 года—та самая, которая была преподана мне для руководства слишком две недели спустя.

В то самое время, как министерство иностранных дел торжественно заверяло русский народ и все союзные нации, что Соединенные штаты не будут вмешиваться во внутренние распри русского народа,—в это самое время генеральный консул Соединенных штатов в Сибири, мистер Э. Г. Гаррис, представитель государственного департамента, то есть министерства иностранных дел, заявлял населению Сибири, что Соединенные штаты являются участником замышленной интервенции, то есть вмешательства во внутренние распри русского народа.

Этого ничем не опровергнуть, ибо всякое действие против господствовавшей тогда в Сибири русской власти должно истолковываться как вмешательство во внутренние российские дела.

Как могла возникнуть такая ситуация? Поскольку

ЭР01973

министерство иностранных дел ни разу не выступило с объяснениями, а в политике Америки, поскольку она применялась к использованию американских войск в Сибири, перемены никакой не произошло, можно только догадываться. Соединенные штаты имели в военном министерстве и в министерстве иностранных дел представителей, действовавших наперекор друг другу с самого начала военной акции в Сибири.

ДО ПЕРЕМИРИЯ

Первые американские войска, 27-й пехотный полк из 53 офицеров и 1 537 солдат под началом полковника Генри Стайера, прибыли в Сибирь с Манилы 16 августа 1918 года. Через несколько дней прибыл 31-й пехотный полк—46 офицеров и 1 375 нижних чинов. До моего приезда, то есть до 1-го сентября, экспедицией командовал полковник Стайер.

До приезда во Владивосток я не имел сведений о положении России в военном, политическом, социальном, экономическом или финансовом отношении. Перед самым отъездом из Сан-Франциско я получил донесение, что японская политика повидимому заключается в том, чтобы поддерживать раздоры между разнообразными русскими силами и противиться созданию сильной центральной власти, но вместе с тем помогать некоторым слабым военным формациям, которые могли бы служить удобной ширмой для действий японцев.

Полковник Стайер информировал меня о том, что

ЦГАКФФД

ЭР01973

происходило до моего прибытия. Я узнал, что 27-й пехотный полк принимал участие в комбинированных действиях против неприятеля, причем неприятель этот был изображен как «большевики и германские пленные». Японский генерал Отани были по чину старшим среди союзных командиров и во время моего визита к нему 2 сентября спросил меня, имеются ли у меня инструкции насчет того, что он будет командовать американскими войсками. На это я ответил, что не только у меня нет таких инструкций, но, напротив, использование американских войск подвержено ряду ограничений, в силу которых необходимо, чтобы все приказы о их передвижениях исходили от меня. До прибытия генерала Отани старейшиной союзных командиров во Владивостоке был японский генерал Ои, сообщивший полковнику Стайеру, что генерал Отани назначен, по просьбе американского правительства, главнокомандующим союзных войск на российской территории Дальнего Востока, в соответствии с чем генерал Отани выпустил 18 августа приказ, подписанный: «Главнокомандующий союзных армий». Полковник Стайер был озадачен этим приказом, так как никаких инструкций относительно этого от правительства Соединенных штатов он не получал. Он телеграфировал в Вашингтон, прося разъяснений, и Вашингтон ответил, что во Владивосток вскоре прибудет генерал Грэвз, у которого имеются инструкции по этому предмету; это еще больше озадачило полковника Стайера.

Памятуя торжественное заверение Соединенных шта-

ДВГНБ

ЭР01973

тов, что они не будут вмешиваться во внутренние распри русского населения, я пожелал узнать состав сил, против которых союзники и Соединенные штаты оперировали к северу от Владивостока. Все уверили меня, что большевики организованы, что к ним присоединились австрийские и германские пленные, и что они собираются захватить склады во Владивостоке. 19 августа полковник Стайер телеграфно сообщил следующую оценку положения, по данным японского начальника штаба. План операций был таков:

«Сперва взять Хабаровск, в каковом секторе имеется 15 000 человек вооруженного неприятеля; затем продвинуться на запад по Амуру и через Манчжурию. Генерал Отани заявил, что, по его мнению, нынешние силы, предназначенные для экспедиции, недостаточны для выполнения их миссии, заключавшейся и заключающейся единственно в том, чтобы вызволить чехов, находящихся западнее Иркутска. Между ними и нами насчитывается 40 000 человек неприятеля, и легла двойная линия коммуникаций, которую необходимо охранять; у чехов западнее Иркутска осталось мало боеприпасов, и они вообще находятся в бедственном положении, так что они вряд ли останутся в живых, если не помочь им до наступления зимы. Он просит всех союзных командиров сделать соответственные представления своим правительствам, указать, что он посылает все силы, имеющиеся в его распоряжении, и что необходимо просить Японию немедленно послать войска в количестве, требуемом ситуацией. У Японии много войск наготове».

ЭР01973

Встает вопрос: откуда генерал Отани взял все эти сведения? И в самом ли деле это была информация, или же все целиком—японская пропаганда? В тот период не было никакой возможности отправлять или получать информацию из района западнее Иркутска; а когда сообщение было восстановлено, мы узнали от полковника Эмерсона, что 12 июля чешские войска оккупировали Иркутск, а затем начали укреплять свою власть над коммуникациями через озеро Байкал и вокруг его южной оконечности. Чехи же, как известно, согласовав свои действия заранее, захватили сибирские города к западу от Иркутска 28 мая, а Владивосток 28 июня, и в большинстве захваченных городов установили новое сибирское правительство. Это новое правительство не было так радикально, как Советы, и лишь мало чем отличалось от монархистов.

Еще весною 1918 года Япония сделала союзным державам представления, сводившиеся вот к чему: «Ввиду своих интересов она находится в особливом положении, и просит, чтобы, буде оккупация Владивостока и железных дорог — Восточно-Китайской и Амурской—окажется необходимой, то чтобы эта задача была возложена на нее одну». Единственный логический вывод из заявления генерала Отани будет тот, что, в противность заявлению Японии от 3 августа 1918 года, она руководилась не только искренней дружбой к русскому народу. Она без сомнения замышляла

АВГИВ

ЭР01973

оккупировать Восточную Сибирь. Никто не мог общаться с военными представителями Японии в Сибири, как это пришлось мне, и не получить уверенности в том, что японцы всегда надеялись оккупировать Восточную Сибирь.

11 октября я выехал из Владивостока в Хабаровск и далее, с целью произвести смотр войскам 27-го пехотного полка. Здесь я встретился с генералом Ои, японским командиром 12-й дивизии, и сказал ему, что я приказал отвести все американские войска из района западнее Хабаровска. Здесь же я впервые встретил знаменитого убийцу, грабителя и головореза Калмыкова. Это был величайший мерзавец, каких я когда-либо видел или о каких слышал, и я сомневаюсь, чтобы можно было обшарить весь толковый словарь и найти название преступления, которого бы этот Калмыков не совершил. Его вооружила и финансировала Япония в своих стараниях «помочь русскому народу». Калмыков убивал людей своими руками, тогда как Семенов отдавал приказы об убийстве другим, и только в этом и заключается разница между Калмыковым и Семеновым. Пользуясь русским выражением, могу сообщить, что Калмыков был «ликвидирован» китайцами, куда он бежал после того как был выгнан из Сибири. Семенов, впоследствии также был выгнан из Сибири и нашел приют в Японии.

Я никогда не был в состоянии понять, при чьем содействии население Соединенных штатов пришло к убеждению, что наши войска были посланы в Сибирь бороться с большевизмом. Соединенные штаты ни-

ЭР01973

когда не вступали в состояние войны с Россией или с какой-нибудь русской партией. Если бы я позволил использовать американские войска для боев с «красными армиями», я взял бы на себя огромную ответственность, ибо никто из поставленных надо мною не отдавал мне таких приказов. В сентябре 1920 года, когда я вернулся с Дальнего Востока, генерал Леонард Вуд сказал мне, что если бы со мной не было копий моих бумаг, меня «разорвали бы на клочки в Соединенных штатах за то, что я не принимал участия в борьбе с большевизмом».

Перемирие 11 ноября 1918 года внесло существенные перемены в службу американских войск в Сибири и создало новые поводы к разногласиям между мною, с одной стороны, и представителями Англии, Франции и Японии—с другой. Ведь те военные операции, в каких американские войска принимали участие, основаны были на уверенности, что «неприятель», отчасти по крайней мере, состоял из пленных германцев и австрийцев.

В этот момент все города на Сибирской железной дороге были в руках белых, и консульские агенты размещены вдоль железной дороги. Подавать «совет и помощь» местным и муниципальным властям на практике значило подавать советы и помощь исключительно белым, что, разумеется, давало большевикам право утверждать, что Соединенные штаты оказывают помощь царским приспешникам. И если эти консуль-

ЭР01973

ДВГНБ

КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ

ские чины питали какие-нибудь личные чувства в отношении русских партий—а это, по всей вероятности, имело место,—то эти инструкции до известной степени открывали дверь вмешательству представителей Соединенных штатов, если им хотелось, в борьбу сторон. И по-моему—эти инструкции вбили клин между представителями министерства иностранных дел и представителями военного министерства Америки в Сибири.

В ночь с 18 на 19 ноября была свергнута Сибирская директория, и адмирал Колчак объявил себя «верховным правителем России». Группа русских офицеров, исключительно белых, устроила этот переворот, и в Сибири ходили слухи, что британский генерал Нокс был одной из главных пружин этой смены правительств. Не подлежит сомнению, что английские войска маршировали по улицам Омска в ночь переворота, и это помогло русским произвести его. Не подлежит также сомнению, что генерал Нокс имел большое влияние на адмирала Колчака и едва ли не афишировал это свое влияние.

Все население Сибири, не желавшее помогать Колчаку, сразу же было зачислено в «большевики». Американцы представляли себе русских большевиков людьми с бомбой и факелом, готовыми уничтожить цивилизацию. Иммиграционные власти Америки придерживались того толкования этого слова, которое ему было дано колчаковцами, и не пустили в Сан-Франциско одного сибирского коммерсанта, неугодного Колчаку.

ДВГНБ

ЭР01973

Между тем в 1919 году Семенов послал капитана своего штаба в Вашингтон, и этот эмиссар не только беспрепятственно проник в Соединенные штаты, но даже открыто хвастал, что цель его приезда—добиться моего смещения с поста командующего американскими войсками. Вернувшись во Владивосток, этот эмиссар рассказывал, что американское военное министерство было с ним очень любезно и приставило к нему полковника Кронина для сопровождения его по Вашингтону и устройства ему встреч с видными людьми. По его словам, полковник Кронин уверил его, что я буду смещен прежде, чем он успеет вернуться во Владивосток. Этот человек был представителем Семенова, и естественно допустить, что это был такой же преступный и безнравственный тип, как его вождь. А между тем в Вашингтоне хорошо знали, что представляет собою Семенов.

В начале 1919 года я понял, что генеральный консул Соединенных штатов Гаррис враждебен моему пониманию «невмешательства во внутренние дела России» и поддерживает Колчака чем только можно. Я почувствовал также, что против меня ведется кампания в Вашингтоне. Вскоре после своего прибытия в Сибирь я послал полтора десятка человек в разные местности Сибири, в районы городов вдоль железной дороги, с инструкцией не вмешиваться во внутренние дела страны и с поручением представить мне доклады о военном, политическом, социальном и экономическом положении Сибири. Вскоре я получил каблограмму из военного министерства в Вашингтоне,

АВГИВ

в которой указывалось, что информацию о положении Сибири правительство ждет от представителей министерства иностранных дел. Эта каблограмма сильно озадачила меня. Хотя в ней не содержалось инструкций по моему адресу, смысл был ясен: правительство давало мне знать, что все, что я сообщу о Сибири или о тамошних условиях, будет игнорировано. Выходит, что доклады армии кому-то не нравятся. От меня хотели информации определенного свойства, как обнаружилось из телеграммы министерства иностранных дел, посланной Августу Гейду, представителю Военного бюро торговли, состоявшему в ведении министерства иностранных дел: ему сообщалось, что он, Гейд, посылает не ту информацию, какую хотело бы получать от него из Сибири министерство иностранных дел. Я снесся с военным министерством, запросив, что означает каблограмма, и получил ответ от генерала Марча, что я посылаю именно те сведения, которые ему нужны, и чтобы я продолжал в том же духе. Мне стало ясно, что генеральный консул Гаррис или же глава русского отдела в иностранном ведомстве Вашингтона—оба поддерживали Колчака—недовольны сведениями о колчаковском режиме, которые посылали военные представители Америки в Сибири.

В это же время началась газетная кампания против американских войск в Сибири. Американский консул во Владивостоке каждый день передавал по кабелю в вашингтонское министерство иностранных дел без комментариев пасквильные и лживые статьи, по-

ЭР01973

являвшиеся во владивостокских газетах об американских войсках. Эти статьи, как и статьи в американской прессе, обвиняли американских солдат в большевизме. Такое обвинение предъявлялось в Сибири всякому, кто не поддерживал Колчака, приверженцами Колчака, к каковым принадлежал и генеральный консул Америки Гаррис.

24 октября 1918 года в Восточной Сибири появился генерал Иванов-Ринов. Это был типичный царский чиновник, беспощадно расправлявшийся с неугодными ему лицами. Омская директория назначила его командующим всеми русскими войсками в Восточной Сибири, и 3 ноября 1918 года он объявил на военном положении Амурскую и Приморскую области и Сахалин с Камчаткой, став фактически диктатором Восточной Сибири.

В декабре 1918 года Колчак издал приказ о мобилизации всех офицеров и солдат русской армии. Этот приказ был началом конца колчаковского режима. Подавляющее большинство русских военного возраста не подчинилось колчаковскому приказу о мобилизации, и как только выяснилось, что без применения силы ничего не выйдет, Иванов-Ринов послал своих казаков забирать мужчин призывного возраста, и начался террор, не поддающийся описанию. Об одном особенно гнусном случае насилий я поручил одному молодому офицеру сделать мне личный доклад. Никогда я не забуду того, что он сказал мне по окончании моих расспросов: «Генерал, ради бога, никогда не посы-

ЭВГЕВ

ЭР01973

лайте меня больше в такие экспедиции. Я был на волосок от того, чтобы сорвать с себя мундир, присоединиться к этим беднягам и помочь им, чем можно!»

Приспешники Колчака, включая Семенова и Калмыкова, утверждавших, что они поддерживают его, концентрировались вдоль Уссурийской, Китайской Восточной и Сибирской железных дорог. Они не могли бы существовать вдали от железных дорог, и, по моему убеждению, никакие сторонники Колчака не могли бы продержаться в Восточной Сибири и месяца, если бы войска Антанты убрались прочь. Судя по щедрой материальной и финансовой поддержке, оказывавшейся Японией реакционным вожакам в Восточной Сибири, японцы—в этом я убежден был тогда и убежден по сей день—постоянно выискивали и выжидали какого-нибудь события, которое дало бы им повод побудить Семенова объявить Восточную Сибирь независимой от остальной России. Они могли сослаться на это, как на необходимый шаг в борьбе с большевизмом. Если верить японским агентам и их оплачиваемым марионеткам в Сибири, все русские, не желавшие взяться за оружие и драться за Семеновых, Калмыковых, Розановых и Ивановых-Риновых, были большевики; между тем в уголовной хронике Соединенных штатов едва ли найдутся типы хуже названных субъектов.

ЦВГИБ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Правительство Керенского, когда было у власти, просило Соединенные штаты восстановить железнодорожное хозяйство России, и в ответ на эту просьбу весной 1917 года Джон Стивенс, известный инженер, выехал из Америки в Россию, где вскоре был назначен официальным консультантом министерства путей сообщения в Петрограде. Группа инженеров, организованная под наименованием Американско-русского железнодорожного корпуса, не успела приехать в Россию до свержения Керенского; часть их оставалась в Японии до марта 1918 года, причем некоторые отправились в Харбин, в управление Китайской Восточной дороги. В августе-сентябре 1918 года, когда в Сибирь прибыли союзные войска, русские железные дороги находились в плачевном состоянии. Только в марте 1919 года во Владивостоке получилось сообщение о том, что союзные правительства заключили между собой соглашение относительно работы железных дорог в Сибири. 1-я статья I раздела этого соглашения постановляла, что председателем междусоюзного комитета должен быть русский. Колчак набросился на эту статью, как кошка на мышь, и немедленно назначил председателем железнодорожного комитета своего министра путей сообщения Устругова. Согласно 2-й статье во главе каждой железной дороги должен был стоять русский управляющий или директор с правами, предоставленными таковым существовавшими русскими законами. Если авторы этого соглашения

ЦБ НБ

ЭР01973

стремились к тому, чтобы враги большевиков получили полную власть на железных дорогах и чтобы дороги работали исключительно для приверженцев Колчака, то эта цель была полностью достигнута. Русские реакционеры не замедлили использовать выгоды положения. Правительство Соединенных штатов тратило деньги на поддержание этих железных дорог и на содержание в Сибири своих войск по той официальной причине, что «население Сибири, ресурсы которого почти совершенно истощены долгими годами войны и хаотическим состоянием хозяйства, может быть спасено от дальнейшего хаоса и анархии лишь восстановлением и поддержанием движения по Сибирской железной дороге».

Намерения были самые благородные, ноценность работы этих железных дорог была равна абсолютному нулю для подавляющей массы русского народа. Большинству населения Сибири было от этих железных дорог приблизительно столько же пользы, как населению Либерии.

Англичане, французы и японцы решили, что охрана железных дорог дает им случай лишить меня независимости действий. Первым делом было внесено предложение поручить охрану железных дорог к востоку от Байкальского озера японскому командиру, а западнее Байкала—французскому генералу Жанену. Я заявил союзным командирам (имея в виду главным образом генерала Нокса), что я намерен охранять

ЭР01973

мой участок железной дороги так, как мне заблагорассудится, и до этого нет никому дела, пока не выяснится безуспешность моей работы,—тогда я с радостью приму от других указания. Предложение провалилось, и больше я о нем ничего не слыхал.

В интересах охраны железной дороги я нашел необходимым передвинуть главную квартиру и два батальона 27-го пехотного полка, под начальством полковника Морроу, в Забайкалье, где мы впервые пришли в соприкосновение с пресловутым Семеновым. Положение было щекотливое: трудно было иметь дело с Семеновым и не ввязаться в неприятную историю. А между тем Семенов проник в американский сектор дороги и арестовал нескольких железнодорожников под предлогом, что они большевики. Морроу уведомил его, что он не позволит ему держать под арестом этих людей, пока не убедится, что они совершили какое-нибудь преступление. Семенов и слышать не хотел о том, чтобы какой-нибудь иностранец мог предписывать ему, что делать, а чего не делать в России, и предупредил Морроу, что он будет действовать попрежнему. Тогда Морроу объяснил ему, что если он осмелится перейти известный пункт своим бронированным поездом, он взорвет его ко всем чертям и во исполнение этого поставил по сторонам железной дороги свои маленькие 37-миллиметровые пушки, оградив их мешками с песком. Блёфф подействовал, и Семенов не показывался.

27 мая Междусоюзническая железнодорожная комиссия единодушно приняла следующее решение: «Вы-

ЭР01973

полнение каждой перевозки, на которую поступит заказ, должно поручаться исключительно железнодорожным агентам. Это решение находится в согласии с ясной волей военных командиров». 25 июля комиссия просила союзных командиров наблюсти за тем, чтобы это решение, ввиду нарушения правил железнодорожного движения, соблюдалось неукоснительно, и указала, что Семенов нарушал их много раз. На это японский командир, генерал Отани, ответил, что японцы не могут вмешиваться в недоразумения, возникающие между русскими и союзными агентами, в инциденты, которые могут быть ликвидированы русскими или военными властями. Это означало, что японские войска не будут препятствовать Семенову и Калмыкову, что бы те ни вытворяли на участках, находящихся под охраной Японии; и в результате такой политики Семенов подверг оскорблениям некоторых членов американского железнодорожного корпуса в секторах, охранявшихся японцами. Словом, на деле железные дороги превратились всецело в колчаковские железные дороги, финансируемые союзниками. Если русский, не сочувствовавший Колчаку, дерзал приблизиться к железной дороге с намерением проехаться по ней или отправить какие-нибудь товары, он подвергался серьезной опасности лишиться свободы или жизни.

Что касается союзников, то англичане, французы и американский генеральный консул в Сибири Гаррис делали все, что было в их силах, чтобы помочь Колчаку, в то время как я старался хранить

ЭР01973

нейтралитет. Как возможно, чтобы агенты разных ведомств Соединенных штатов вели противоречивую политику в таком жизненно-важном и серьезном вопросе, как использование войск в чужой стране? Я могу лишь догадываться, и мои догадки сводятся к тому, что фактически все аккредитованные агенты иностранных правительств, как и все бывшие царские чиновники, были враждебны советской системе правления и боялись распространения коммунизма, почему и стремились всеми силами вызвать интервенцию в надежде задержать распространение коммунизма на Дальнем Востоке. Вот почему военное министерство и министерство иностранных дел Соединенных штатов проводили совершенно различную политику в одно и то же время, в одном и том же месте. Не подлежит сомнению, что генеральный консул Америки в Сибири, мистер Гаррис, был ярый сторонник Колчака и колчаковского режима. Люди, назначавшиеся Колчаком на административные посты, были сплошь бывшие царские чиновники и монархисты. Мак Гауэн, американский консул в Иркутске, а позднее во Владивостоке, был ярый сторонник монархистов и делал все, что мог, в их интересах. Это именно он сообщил американскому послу в Вологде, что через Иркутск проследовал поезд с германскими штабными офицерами, форма которых еле была прикрыта русскими пальто, и что эти германские офицеры собираются организовать пленных австрийцев и германцев для захвата Сибирской железной дороги. Известно, что Мак Гауэн под чьим-то, и несомненно заинтересованным, влиянием побуждал

ЭР01973

президента Вильсона согласиться на посылку американских войск в Сибирь. Де-Витт Пуль, генеральный консул Америки в Москве, а впоследствии заведующий русскими делами в Вашингтонском министерстве иностранных дел, показал своими усилиями поддержать Колчака, что он не одобряет возвещенной Соединенными штатами политики «невмешательства во внутренние дела русского народа».

КОЛЧАК И ПРИЗНАНИЕ

В начале июля 1919 года я получил из Вашингтона следующее уведомление: «Если американский посол в Японии мистер Роланд Моррис поедет в Омск, вы отправитесь вместе с ним». В ту пору ходили слухи о признании Колчака Соединенными штатами, и я решил, что поездка посла находится в связи с этим вопросом. Я решил использовать эту поездку, между прочим, для того, чтобы разузнать, как настроено сибирское население западнее Иркутска в отношении омского режима.

В Красноярске я узнал кое-что о генерале Розанове, с которым мне предстояло «срабатываться» во Владивостоке. Это он издал 27 марта 1919 года инструкцию для своих войск: «1. При занятии сел, раньше занятых бандитами (партизанами), настаивать на выдаче главарей движения, и там, где не выдадут главарей, но где у вас будут достаточные доказательства присутствия таких главарей, расстреливайте по одному на каждые десять человек населения. 2. Если при проходе войск через город население не уве-

ЭР01973

домит войска, после предупреждения, о присутствии врага, на всех без изъятия должна быть наложена денежная контрибуция. 3. Села, население которых будет встречать наши войска с оружием, должны сжигаться дотла, и все взрослое мужское население должно быть расстреляно; имущество, дома, повозки и пр. должны быть отобраны для нужд армии». Мы узнали, что Розанов берет заложников и за каждого убитого из числа своих сторонников расстреливает десять заложников. Об этих приемах, практиковавшихся в Красноярске, он отзывался как о «работе в перчатках», но обещался снять перчатки по прибытии во Владивосток и действовать там без снисхождения.

Таковы были действия приверженцев Колчака, покровительствуемых союзными военными силами. Розанов оказался третьим из худших мерзавцев, каких я узнал в Сибири, хотя ему не удалось достигнуть размаха Калмыкова и Семенова.

Перед самым приездом в Омск или в момент приезда туда мистер Моррис получил телеграмму. Прочтя ее, он произнес: «Ну, генерал, теперь вам придется поддерживать Колчака!» Я ответил, что не имею из военного министерства никаких инструкций о поддержке Колчака. На это он довольно жестко возразил: «Это распоряжение министерства иностранных дел, а не военного министерства». Я ответил: «Я не нахожусь в распоряжении министерства иностранных дел».

Известно ли это президенту или нет, но причина того, что мне, хотя и командующему войсками Соеди-

ЭР01973

иенных штатов, не была отдан приказ поддерживать Колчака, вполне очевидна. Отдача приказа американским войскам вмешаться во внутренние распри с применением силы была бы актом войны. А конституция Соединенных штатов предусматривает: «Конгрессу будет принадлежать право объявлять войну». Поэтому исполнительная власть была бессильна приказать мне использовать войска, и не может быть сомнения, что президент Вильсон и военное министерство ожидали от меня нейтральной позиции. Недаром 26 июня, отвечая на сенатскую резолюцию относительно американских войск в Сибири, президент заявил: «Преподанные генералу Грэвзу инструкции поручают ему не вмешиваться в русские дела, но поддерживать, в случае необходимости, мистера Стивенса». Лишь по возвращении из Сибири, из книги «Русско-американские отношения, март 1917—март 1920», я впервые узнал, что в ноте адмиралу Колчаку от 26 мая 1919 года Соединенные штаты, Англия, Франция, Италия и Япония заявляли: «Мы поэтому склонны помочь адмиралу Колчаку и его союзникам амуницией, припасами и предметами питания в установлении ими всероссийского правительства, при условии получения от них определенных ручательств, что их политика преследует те же цели, какие ставят себе союзные и присоединившиеся державы». А 12 июня адмиралу Колчаку была послана нота, уведомлявшая, что Соединенные штаты, Англия, Франция и Япония готовы оказать ему «поддержку, обозначенную в первоначальном письме».

ЭР01973

Когда наш поезд прибыл в Омск, Моррис и Гаррис зашагали по перрону, о чем-то беседуя, и после этого, вернувшись в наш вагон, Моррис сказал мне: «Гаррис сказал мне, что с вами нет никакого сладу». Оказывается, генеральный консул Гаррис запальчиво объявил послу, что никто не в состоянии заставить меня помогать Колчаку. Брань и поношения были привычным приемом монархического окружения адмирала, в котором американский генеральный консул Гаррис нашел родственную среду. Что же касается признания Колчака, то Моррис, как мне передавали, сказал следующую фразу: «Если омское правительство продержится, мы вероятно признаем вас». Между тем 7 августа я нашел нужным послать из Омска военному министерству в Вашингтон следующую телеграмму: «Войска Колчака все отступают, и деморализация их повидимому так велика, что надежды на реорганизацию армии и возобновление наступления основаны вероятно на слабости большевиков и на их нежелании занять Омск, чего я не могу предположить. По заслуживающим доверия сообщениям, офицеры бросают войска и бегут в тыл, причем штабные офицеры предшествуют линейным в этом бегстве, солдаты же бросают оружие и амуницию, а в некоторых случаях и тяжелое обмундирование, чтобы легче было бежать. Мне не удалось констатировать малейших следов энтузиазма по отношению к правительству Колчака».

В конце концов и к счастью Соединенных штатов, Колчак не был признан. По

ЭР01973

моему убеждению, ни в какой период колчаковского режима признание не могло помочь ему. Около 20 августа мы с послом выехали из Омска во Владивосток. Мы останавливались в Ново-Николаевске, Иркутске, Верхнеудинске и Харбине. Ничего интересного не случилось, пока мы не достигли территории Семенова. К этому времени он завел здесь так называемые «убойные станции» и открыто хвастал, что не может спать ночью, если не убил кого-нибудь днем. Здесь мы наслышались рассказов, заверенных письменными свидетельскими показаниями. Так, на одной маленькой станции солдатами Семенова было убито оптом триста пятьдесят человек. Они были расстреляны из пулеметов, и пустые гильзы от патронов кучами еще валялись на том месте, где были выпущены. Все начальники станций были колчаковские ставленники, и он не хотел смещать их потому, что они развели колоссальные хищения и взяточничество на железной дороге. Полковник Эмерсон, член железнодорожной комиссии, рассказывал мне, что эти начальники станций требовали по сорок тысяч рублей сверх установленной провозной платы за отправку товарного вагона из Владивостока в Омск. Один русский генерал бросил место на Забайкальской железной дороге, платившей ему три тысячи рублей в месяц, на том основании, что он с семьей не мог прожить на эти деньги, и переехал во Владивосток, где получил колчаковщины платили жалованье, которое даже у с другой стороны, железнодорожным рабочим в период колчаковщины платили жалованье, которое даже у

ЭР01973

кондукторов, смазчиков и машинистов не превышало, по моим подсчетам, трех долларов и семидесяти пяти центов в месяц (около 7 рублей с полтиной). Когда однажды железнодорожники забастовали, требуя повышения платы, колчаковское начальство причислило их к большевикам и некоторых руководителей забастовки казнило.

Сомневаюсь, найдется ли в мире страна, в которой в последние полвека можно было так легко и безнаказанно совершать убийства, как в Сибири во время колчаковщины. Командовавший американскими войсками в Забайкальском секторе полковник Морроу донес мне о совершенно невероятном истреблении целого села Семеновым. Когда его войска вошли в это село, жители его, как видно, пытались спастись бегством из своих домов, и солдаты Семенова перестреляли их всех как кроликов—мужчин, женщин и детей, бросив тела убитых на месте. Они убили в этом селе всех жителей до единого. Я убежден, что американцы ничего не знают об этих злодеяниях.

ЯПОНИЯ И ВРАЖДА К АМЕРИКАНЦАМ

Мы с послом Моррисом прибыли во Владивосток 6 сентября 1919 года, и вскоре мне пришлось иметь дело с новой японской марионеткой в лице уже упомянутого Розанова, присланного Колчаком из Красноярска во Владивосток для командования русскими войсками на Дальнем Востоке.

ЭР01973

На своем письменном столе я застал доклад, что русские 2 сентября в присутствии японских войск арестовали американского капитана и капрала в Имане (в трехстах семидесяти пяти верстах севернее Владивостока), как беспаспортных. Так как они носили мундир американской армии, а в Сибири не было признанного правительства, и так как ни от каких военных представителей в Сибири не требовали паспортов, то этот предлог был оскорблением не меньшим, чем арест. Утром 7 сентября я послал полковника Робинсона, моего начальника штаба, к генералу Розанову с требованием немедленно освободить капрала (капитан был отпущен в день ареста). Розанов сказал Робинсону, что он расследует дело и уведомит меня. Я велел передать Розанову, что не его дело заниматься расследованиями, и если он немедленно не освободит капрала Сперлинга, я истолкую это как решительный отказ исполнить мое требование. После этого Розанов приказал освободить капрала, и когда тот вернулся, мы узнали от него, что он жестоко избит двумя казацкими офицерами. Я потребовал от генерала Розанова, чтобы он назвал мне казаков, арестовавших капрала, и двух казаков, избивших его, и чтобы он поместил извинение за этот случай в местной газете. Ответа на это свое письмо я не получил. Позднее в газетах я прочел сообщение из Вашингтона, что извинение за оскорбление американских войск было принесено. Не знаю, кто и какие приносил извинения, ибо я не имел более дела с главной квартирой генерала Розанова или с

ЭР01973

ним самим. 31 января 1920 года он был свергнут.

Между тем и японцы хозяйничали в крае по-своему, арестовывали и расстреливали русских по обвинению в большевизме и покрывали подвиги Семенова и Калмыкова.

В этот критический период, когда казаки Дальнего Востока пытались получить оружие, чтобы пустить его в ход против американских войск, транспорты стали привозить из Соединенных штатов винтовки и амуницию для действующих войск Колчака, согласно обещанию Вильсона от 12 июня 1919 года: «помочь правительству адмирала Колчака и его союзникам амуницией, припасами и продовольствием». 16 сентября я телеграфировал военному министерству: «Сегодня утром мне предложили миллион золотом и потребовали выдачи винтовок. Ввиду антиамериканских действий здешних агентов Колчака, я отказался принять золото и выдать винтовки. Мистер Моррис здесь и одобряет мои действия».

Американские войска не имели полевых орудий, а казаки имели, и кроме того американцы были разделены, расстоянием почти в три тысячи верст, на отряды, охраняющие железную дорогу. Стоило разрушить мосты, и я не мог бы собрать моих войск, и семь тысяч моих солдат были бы разбиты на четыре, а может быть и больше отрядов. Не надо забывать, что Семенов и Калмыков были разбойники и убийцы. Ничто не могло их удержать от какого угодно злодеяния. Только физический страх или страх лишиться япон-

ЭР01973

ской поддержки мог удержать их от нападения на американцев.

Первый поезд с винтовками и амуницией для Колчака проследовал в Иркутск без инцидентов. Второй же был задержан 24 октября Семеновым, который потребовал выдачи 15 тысяч винтовок, причем грозил в противном случае взять их силой. Я телеграфировал охранявшему поезд лейтенанту Райану, имевшему под командой 50 солдат, чтобы он не давал Семенову ни одной винтовки. Семенов арестовал Райана, продержал его 40 часов и выпустил. И когда Колчака прогнали из Омска и он направился на восток, я почувствовал, что его конец близок и отказался посылать ему впредь оружие. 29 октября я телеграфировал в Вашингтон: «По моему мнению, если мы по бездеятельности или умышленно допустим, чтобы американское оружие попало в руки Семенова, Калмыкова и Розанова, мы поможем вооружению гнуснейших преступников Сибири; мы пренебрежем интересами народа и вызовем озлобление огромного большинства населения Сибири против Соединенных штатов, и поможем Японии затянуть разрешение сибирских неурядиц, ибо господство и эксплоатация свыше чем 90 процентов народа такими преступниками, как вышеупомянутые, не может быть длительным, какую бы помощь им ни оказывать».

Впоследствии японская главная квартира уведомила меня, что оружие, сданное лейтенантом Райаном в Иркутске, было переотправлено Семенову. В середине октября 1919 года влияние Колчака на Даль-

ЭР01973

нем Востоке было почти ничтожно. Японцы же пустили в ход какие-то маневры с целью объявить Семенова диктатором Дальнего Востока, как только Колчак падет. Они готовились уже сбросить маску «бескорыстной работы для России». К этому времени обозначилось уже полное разложение колчаковщины. 16 ноября офицер моего осведомительного бюро доносил мне: «Местные русские проявляют мало преданности колчаковскому правительству, о котором иные говорят как о «правительстве Нокса».

НЕУДАВШАЯСЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГАЙДЫ

Чешский генерал Гайда *), порвав с колчаковскими вождями, отправился на восток и 8 августа 1919 года прибыл во Владивосток. Он публично заявил, что правительство Колчака не продержится долго. В середине ноября он пытался захватить власть во Владивостоке, но 18 ноября был разбит силами генерала Розанова, который не преминул по этому случаю лживо обвинить американские войска в том, что они «дважды в течение ночи открывали пулеметный огонь по правительственным войскам». Это была неправда.

Получив легкое ранение, Гайда со своими солдатами сдался у вокзала, последнего своего убежища. Человек двадцать или восемнадцать молодых русских, принадлежавших к какой-то местной организации, схвачены были солдатами Розанова. Им предложили влить-

*) Чехословацкий генерал, участник мятежа против советской власти в мае 1918 года, затем командовавший колчаковскими армиями.

Ред.

ЭР01973

ся в его армию. Все они ответили, что предпочтут тысячу смертей общению с такой бандой разбойников. Тогда их отвели на станцию, приказали спускаться по круглой каменной лестнице, ведшей куда-то в подвал, и всех перестреляли на ходу. Это было сделано на глазах у большой толпы, в которой было и несколько американцев.

Падение Гайды не оказало заметного влияния на политическую ситуацию в Сибири. Колчак уже бежал на восток, и все, кроме американского генерального консула, понимали, как видно, что Колчак—величина, с которой можно не считаться. Соединенные штаты кажется были последней из держав, утративших веру в Колчака. Они дались в обман покаянному манифесту, выпущенному Колчаком, в котором он обещал изменить режим террора, и еще 7 ноября министр иностранных дел Америки выражал желание, чтобы Колчак продолжал оставаться во главе какого бы то ни было правительства в Сибири. Между тем британская миссия сообщила об эвакуации Ново-Николаевска в ночь с 13 на 14 декабря, а Колчак 14-го находился уже в Марьинске[1].

В декабре 1919 года свыше ста тысяч солдат, одетых, вооруженных и экипированных англичанами, перешли на сторону врагов Колчака, и большевики послали генералу Ноксу телеграмму с выражением признательности за снабжение платьем и припасами советских войск.

[1] Как известно, Колчак был расстрелян в феврале 1920 г. по постановлению Иркутского ревкома.

Ред.

ЭР01973

27 декабря я телеграфировал военному министерству: «Безопасность американских войск требует концентрации ввиду оставления некоторых участков американского сектора. Мы быстро приближаемся к месту, где войдем в соприкосновение с Калмыковым, Семеновым и Розановым, воюющими с русскими, пытающимися установить на Востоке представительный образ правления. Эти русские—не большевики в том смысле, как это понимается в Соединенных штатах». 29-го же я получил в ответ каблограмму: «Вы извещаетесь совершенно секретным образом, что через несколько дней вы можете получить приказ об отозвании всех войск, которыми командуете. Держите это в секрете впредь до получения приказов».

Японское же правительство только 31 марта 1920 года, за день до моего отъезда из Сибири, выпустило следующее заявление: «Императорское правительство пользуется случаем заявить, что оно намерено, как только стабилизуются политические условия в странах, смежных или соседствующих с Японией, и всякая угроза Манчжурии и Корее будет устранена, когда жизнь и имущество императорских подданных в Сибири будут обеспечены и гарантирована свобода передвижения и сообщения,—оно отзовет свои вооруженные силы из всех частей Сибири в первый подходящий момент по окончании репатриации чехословацкой армии». Итак, Япония не намеревалась позволить какой бы то ни было другой нации определить ни момент, когда «стабилизуются политические условия в странах, смежных с Японией», ни того,

ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ЭР01973

когда всякая угроза «Манчжурии и Корее будет устранена». Мы имеем право сказать, что смысл вышеприведенного ее заявления был тот, что Япония не намерена была убраться из Сибири, пока ей это не заблагорассудится или пока ее не выставят силой. В это же самое время ее марионетка—Семенов—всеми силами старался препятствовать эвакуации чехов, что явствует из резолюции Междусоюзнической железнодорожной комиссии и Технического бюро от 14 апреля 1920 года. В этой резолюции приводятся случаи ареста японскими солдатами русских железнодорожников в Имане, Харбине и других пунктах. Передо мною лежит документ на десяти страничках убористой машинописи о вмешательстве японцев и их марионетки Семенова в работу железных дорог. Все их акты клонились к тому, чтобы помешать Техническому бюро поддерживать правильное функционирование железных дорог и тем всячески задержать эвакуацию чехов, служившую японским войскам предлогом к тому, чтобы оставаться в Сибири. Помимо этого Семенов продолжал свои подвиги в других направлениях. Так, между 1 и 10 января он ограбил и зверски умертвил свыше 40 мужчин и трех женщин, причем последние были предварительно изнасилованы. Этот же Семенов в 1919 года ограбил одну нью-йоркскую компанию, захватив ее груз мехов ценностью на полмиллиона долларов. Этот же Семенов арестовал трех американцев, уволившихся из армии и решивших поселиться в Сибири, и зверски убил их только за то, что на них

ЭР01973

был мундир американской армии. В 1922 году этот Семенов ездил в Соединенные штаты, и у меня имеются основания думать, что приезд его не был неожиданным для иммиграционных чиновников Соединенных штатов, разрешивших ему въезд, невзирая на то, что он зверски убивал американцев.

РАЗГРОМ

Генерал Розанов, хозяйничавший во Владивостоке, был свергнут 31 января 1920 года. Насколько я помню, переворот совершился без драки, был выпущен только один выстрел, и тот был сделан из полевой пушки, поставленной у дома, который занимал генерал Розанов. Выстрел не попал в цель, но и звука его было достаточно для Розанова и его приспешников, японцев, чтобы они струсили: они нарядили Розанова в длинный японский плащ, нахлобучили на него японскую военную фуражку и отвели его в японскую главную квартиру, чем и кончилась его бесчестная карьера в Сибири. Все во Владивостоке знали, что в период с 18 ноября 1919 года до 31 января 1920 года Розанов умертвил от пятисот до шестисот человек, не дав никакого объяснения этим убийствам. Его метод заключался в том, что он сперва казнил людей, а затем созывал военно-полевой суд для оправдания этих убийств.

В последние месяцы моего пребывания в Сибири японцы держали себя смирно в Приморской области, но из Забайкалья Смит, американский представитель Междусоюзнической железнодорожной комиссии, теле-

ЭР01973

графировал мне, что они всячески стараются замедлить эвакуацию чехов. Так, они не пустили чехов в железнодорожные мастерские для ремонта паровозов, которые должны были доставить их во Владивосток. Смит сообщал: «Чехи не потерпят долго такого положения вещей, а возьмут дело в свои руки». Но японцы — такова была их тактика во все время интервенции — не довели дело до открытого столкновения, и чехи проследовали на Восток. Американцы имели два спокойных месяца, от свержения Розанова до отплытия последнего эшелона (1 апреля 1920 года), с которым и я покинул Сибирь.

Когда раздумываешь о причинах интервенции, приходишь к заключению, что одна из главных ее причин, если не единственная причина, тщательно и намеренно скрывалась.

Союзники были сильно встревожены тем, что Советы простерли свою власть на всю Сибирь, задолго до того, как состоялось решение об интервенции. Совершенно очевидно, что Англия, Франция и Япония проникли в Сибирь с определенным намерением искоренить большевизм, но по каким-то причинам старались скрыть это намерение, ссылаясь на необходимость создать восточный фронт, чего они также надеялись достигнуть. Весьма знаменательно, что все правительства, принимавшие участие в сибирской интервенции, считали неблагоразумным открывать миру, что они намерены были уничтожить Советы. Точные причины сокрытия этой цели еще неизвестны публике. В книге «Русско-американские от-

ЭР01973

ношения», под заголовком «Заметки о беседах, ведшихся в кабинете Пеншона, на Кэ д'Орсэ, 16 января 1919 года», страница 285, значится:

«М-р Ллойд Джордж указал, что, повидимому, возможны три политики: 1. Военная интервенция. Правда, большевистское движение так же опасно для цивилизации, как германский милитаризм, но кто же предлагает подавить его мечом? Если кто предлагает послать для этой цели в Россию тысячу британских солдат, армия взбунтуется. Это приложимо и к войскам Соединенных штатов в Сибири, а также к канадцам и французам». Тогда же Ллойд Джордж сказал: «Кроме того из полученных донесений явствует, что Колчак собирает вокруг себя приверженцев старого режима и сам, кажется, в душе монархист». Колчак в это время был почти два месяца у власти.

Колчака поставили у власти англичане, и это доказывается заявлением Винстона Черчилля, сделанным в палате общин относительно правительства Колчака: «Британское правительство призвало его к жизни, нам в помощь, и в момент, когда необходимость требовала этого». Это заявление, в связи с деятельностью английских войск в Омске в ночь свержения Директории и объявления Колчака «верховным правителем», не оставляет сомнений насчет роли Англии.

Генерал Нокс служил при царе военным атташе в России. Он говорил по-русски и наверное воображал, что знает русский народ. Вероятно он понимал характер и особенности русских, с которыми он общался в Петрограде, но я не могу поверить, чтобы он

ДВГНБ

ЭР01973

понимал стремления широких масс русского народа. Если бы он знал этих людей, так он не вообразил бы, что русские рабочие и крестьяне желают взять оружие и драться за пришествие к власти колчаковцев, совершавших зверства над тем самым народом, у которого они искали военной помощи. Мне генерал Нокс раз высказал мысль, что «бедные русские ведь просто свиньи».

Лично я никогда не верил, чтобы у Колчака были какие-нибудь шансы создать прочное правительство в Сибири, но убеждение Нокса и других ему подобных, что народная масса—свиньи и что ее можно третировать, ускорило падение Колчака. Ни одно из правительств, участвовавших в сибирской интервенции, не могло избежать ненависти русского народа, но генерал Нокс был так настойчив и беспощаден в своем вмешательстве во внутренние русские дела, что озлобление против него было сильнее, чем против какого бы то ни было иностранца в России. К моменту оставления России генерал Нокс сам разочаровался в своей миссии. Придя ко мне, он заявил, что он потерпел полнейший крах, что он ничего не добился ни для России, ни для своего отечества, ни для себя лично. Он мог бы добавить, что напридачу он вызвал озлобление широких русских масс против себя и Англии.

Что касается японцев, то они, по моему убеждению, беспрестанно и самым наглым образом вмешивались в русские дела с первого дня моего пребывания в Сибири и до дня моего отъезда. Они даже не отри-

ЭР01973

цали, что поддерживают Семенова и Калмыкова. Действия этих людей и их казаков были могущественнейшим доводом в пользу большевизма, какой только можно было придумать, а их зверства русские будут помнить и рассказывать потомству наверное еще с полсотни лет. Совершенно очевидно, что японцы преследовали какую-то свою цель, оказывая казакам финансовую, материальную, моральную и военную помощь. Многие ожидали, и я в том числе, что японцы побудят Семенова объявить себя диктатором всей Сибири к востоку от Байкала и начнут хозяйничать в Восточной Сибири, не навлекая на себя обвинения в нарушении торжественного заверения, данного русскому народу в августе 1918 года. Труднее объяснить, почему это не было сделано—ведь было два или три момента, когда плод готов был сам упасть в руки Японии.

Всего труднее понять причины интервенции Соединенных штатов в Сибири. Я пришел к убедительным для меня заключениям о причинах интервенции других наций, но никогда не мог удовлетворительным образом решить вопрос, зачем Соединенные штаты впутались в интервенцию. Я считаю, что причины интервенции, приведенные Соединенными штатами 3 августа 1918 года, неполны и неискренни. Ссылка на необходимость помочь чехо-словакам неубедительна. Генеральному консулу Америки в Сибири Гаррису и генеральному консулу Америки в Европейской России Де Витт Пулю по меньшей мере за месяц до получения мною приказов было известно, что чехи не нуждаются в помощи,

ЭР01973

что они захватили Сибирскую железную дорогу и изгоняют Советы из городов по этой дороге, в которых ставят новую власть, и что они не намерены покидать Сибири, как это засвидетельствовано Чешским национальным советом в Вашингтоне, во главе которого стоял профессор Масарик. Известно также, что еще за два месяца до получения мною приказов Советы пытались удалить чехов из Сибири и шли им в этом отношении навстречу; но чехи не пожелали уехать.

Правительство Соединенных штатов дало себя уговорить, будто Советы освободили пленных германцев и австрийцев, содержавшихся в Сибири, но это опровергается докладами представителей Соединенных штатов.

Американцев послали охранять военные склады на случай, если они понадобятся в будущем русским войскам; но отсутствие сотрудничества между иностранными представителями в Сибири не дало возможности выполнить как следует и эту задачу.

Остается еще предлог «поддержания попыток самоуправления и самозащиты, если сами русские пожелают принять такую помощь». На этом гвозде американское министерство иностранных дел повесило полученную через генерала Черчилля от мистера Пуля жалобу на меня за неоказание помощи Колчаку. И м-р Пуль в Вашингтоне, и м-р Гаррис в Сибири всячески хотели заставить меня использовать американские войска для борьбы с большевиками. Перед отправлением в Вашингтон Пуль был генеральным консулом Америки в Архангельске и видел, как аме-

ЭР01973

риканские войска используются для этого. Эта противоречивая политика двух американских министерств—военного и иностранных дел—отражалась и на отношении к предложениям, вносившимся союзными командирами в Сибири. Когда возникали разногласия, то на одной стороне почти всегда неизменно оказывались английские, французские и японские командиры, а на другой—американские, китайские, канадские, чешские и итальянские.

Я сомневаюсь, чтобы непредубежденный человек мог утверждать, что Соединенные штаты не вмешивались во внутренние дела России. Этим вмешательством и войсками Соединенные штаты помогали держаться монархически настроенному и непопулярному правительству, которого не одобряла подавляющая масса населения. Кроме того Соединенные штаты навлекли на себя ненависть девяноста процентов населения Сибири.

Употребляя выражение Луи Фишера в книге «Советы в мировых делах» (том I, страница 228), можно сказать:

«Американская интервенция в Сибири оказалась бесплодной, печальной трагикомедией—совершенно, как и в Северной России».

Ответственный ред. Е. ЗОЗУЛЯ Тех. редактор Л. Свешникова

Корректор Е. Рабинер

Издатель Журнально-газетное об'единение

Уполномоченный Главл. В 18051 Тираж 20000. Зак. тип. 1
Ст. форм. A_2—105×148 мм 3/4 бум. листа. Число печ. зн. бум. л. 92160

Изд. № 1068. Книжка сдана в набор 1 янв. Подпис. в печ. 28 янв.

ЭР01973

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие . . . . . .
Введение . . . . . .
До перемирия . . . . . .
Железнодорожное соглашение . . . . . .
Колчак и признание . . . . . .
Япония и вражда к американцам . . . . . .
Разгром . . . . . .

ДВГНБ
ДВ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЭР01973

ДВГНБ

ЭР01973

ДВГНБ

ЭР01973

ДВГНБ

ЭР01973

ДВГНБ

ЭР01973